

DOI 10.35775/PSI.2025.119.7.033

УДК 32.327

П.Д. РОГАТОВ

магистр кафедры мировых политических процессов

Факультета управления и политики

МГИМО МИД России,

Россия, г. Москва

E-mail: rogatov2001@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ FLEX, ФУЛБРАЙТ И БОЛАШАК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1991-2025 ГГ.)

Программы образовательных обменов представляют важнейшие механизмы передачи знаний и дипломатического взаимодействия; их трансформация в условиях геополитического давления позволяет выявить стратегии адаптации, применимые к международным системам образования во всем мире. В данном исследовании рассматривается трансформация программ FLEX, Фулбрайт и Болашак в период геополитической турбулентности (1991-2025 гг.), выявляются факторы устойчивости и механизмы адаптации. Последовательный анализ 450 архивных документов, 102 годовых отчета и опрос 847 выпускников (доля ответивших – 34%); качественный сравнительный анализ траекторий программ в пятнадцати постсоветских государствах в течение пяти критических периодов. Участие в программе FLEX сократилось на 56% (2008-2024 гг.), прекратив свою деятельность в России/Азербайджане; программа Фулбрайта сохранила 73% устойчивости благодаря договоренностям о разделении расходов (70%→30% финансирования США); программа «Болашак» расширилась с 3 000 до 35 000 получателей, после чего была реконсолидирована. Факторный анализ выявил четыре фактора, определяющих устойчивость: финансовая автономия (34% дисперсии), дипломатическая поддержка (28%), сети выпускников (19%), устойчивость бренда (11%). Демографические сдвиги: доля женщин выросла до 61%, доля студентов, обучающихся по программе STEM, достигла 52%, доля студентов первого поколения снизилась с 73% до 49%. Виртуальная адаптация позволила добиться 67% отсева; региональные центры приняли 7 400 перемещенных студентов. Устойчивость программы требует многокомпонентных структур поддержки – диверсифицированных источников финансирования, механизмов привлечения выпускников (микрогранты в размере 500-2 000 долларов), гибридных форматов обучения (максимум 40% онлайн).

Ключевые слова: академическая мобильность, студенческая миграция, дипломатические отношения, устойчивость стипендий, адаптация к кризису, сети выпускников, региональное сотрудничество.

Вступление. После распада СССР изменились пути перемещения студентов и преподавателей между странами. Преобразования после 1991 года породили разнонаправленные потоки студентов и ученых; эти движения вышли за рамки прежних дихотомий Восток-Запад [7. Р. 37-60]. Страны используют образовательные программы для продвижения своих интересов, обучая иностранных студентов – этот феномен ученые относят к стратегиям культивирования влияния [9. Р. 231-249]. Современная геополитическая напряженность проявляется в виде визовых барьеров, технологического разделения и избирательных ограничений доступа. Санкции против научного сотрудничества показывают: образование стало полем политической борьбы [11].

Вместо культурного обмена страны стремятся привлечь талантливых специалистов. Страны конкурируют за интеллектуальные ресурсы; образовательные программы служат каналами привлечения кадров для технологического прогресса [8. Р. 808-832]. Области знаний двойного назначения подвергаются повышенному контролю, расширяются процедуры проверки биографических данных, увеличивается число ограничений на передвижение [2. Р. 285-310]. Онлайн-платформы дают возможность учиться частично дистанционно, частично очно [5. Р. 142-159].

На территории бывшего СССР сталкиваются разные подходы к международному образованию. Эти страны переживали одновременные процессы государственного строительства и трансформации системы образования; внешние воздействия по-разному формировали траектории институционального развития в разных республиках [1. Р. 977-987]. Программы FLEX, Фулбрайт и Болашак представляют разные подходы: Американские инициативы в области публичной дипломатии и казахстанская программа мобильности, финансируемая государством. Эволюция каждой программы отражает геополитические перестановки; их сравнительный анализ позволяет выявить механизмы адаптации в условиях системного давления [6].

Обзор литературы. Влияние через образовательные программы понимают как способ усиления позиций страны. Исследования выявляют «инициативы мягкой силы»: культурные программы способствуют экономическому росту [2. Р. 285-310]. Возникают противоречивые интерпретации: программы служат механизмами культурного взаимодействия и каналами приобретения стратегического человеческого капитала [9. Р. 231-249]. Идеи научного интернационализма противоречат геополитическим реалиям – студенты «недооценивают влияние геополитических факторов», а учебные заведения реализуют стратегии конкуренции талантов [10].

В России вместо полной утечки умов (конец 1990-х годов) теперь часть ученых уезжает, часть возвращается [12. Р. 7875-7900]. Эти расхождения отражают

методологические различия: изменение библиометрической принадлежности по сравнению с отслеживанием местоположения в режиме реального времени. Влияние постсоветской эмиграции варьируется в зависимости от дисциплины – математика, нейронауки и фармакология понесли серьезные потери [4. Р. 95-110].

Критики указывают на неравенство возможностей в международном образовании. Ученые из бывшего СССР находятся в неравном положении по сравнению с коллегами из богатых стран [11]. Факторы управления – политическая стабильность, верховенство закона – определяют следующее: талантливые люди остаются в странах со стабильной политикой и работающими законами [13. Р. 132].

Количественные измерения эффективности дают противоречивые результаты. Программы обмена на уровне начальной и средней школы демонстрируют положительные языковые результаты, «исследовательские проекты на этих низких уровнях все еще сравнительно редки». Ученые, работавшие в разных странах, составляют 5,2% от всех исследователей [12. Р. 7875-7900]. Противоречивые данные появляются в отношении результатов программ: стипендиаты демонстрируют иные модели мобильности, чем студенты, обучающиеся за счет собственных средств [2. Р. 285-310].

Результаты. FLEX: от «народной дипломатии» к «стратегической паузе». Первая фаза (1993-2001 гг.) охватила 22 000 учащихся средних школ в двенадцати постсоветских государствах; ежегодный бюджет достигал 35 миллионов долларов. Старались отбирать участников из разных мест – 42% были из сельской местности. На втором этапе (2002-2014 гг.) были введены протоколы биометрической проверки; число стран-участниц сократилось до восьми после выхода Узбекистана (2005 г.) и приостановки Туркменистана (2003 г.). Процедура получения разрешения на въезд увеличилась с 3 недель до 4 месяцев. На третьем этапе (2015-2025 гг.) программа была завершена в России (октябрь 2014 г.) после 21 года работы; за ней последовал Азербайджан (2023 г.). Виртуальная программа FLEX появилась во время пандемии: 3 000 участников прошли шестинедельные онлайн-модули с 67%-ным показателем удержания.

Фулбрайт: адаптивная устойчивость. Способы финансирования планомерно изменились: американская государственная поддержка сократилась с 70% (1991-2000 гг.) до 50% на условиях разделения расходов (2001-2015 гг.), достигнув 30% к 2024 году. Страны-участники стали платить больше – Казахстан ежегодно выделял 2,8 млн долларов (2020-2024). Произошло географическое перераспределение: участие России/Белоруссии сократилось на 40% после 2014 г.; участие Центральной Азии расширилось на 300%. Темы программ сменились с гуманитарных на другие (65% грантов, 1991-2000 гг.) через приоритет НТИМ (48%, 2001-2015 гг.) к концентрации на климате/здоровье (37%, 2016-2025 гг.).

Болашак: от элитарности к массовому маркетингу и обратно. На начальном этапе (1994-2004 гг.) было отобрано 3 000 стипендиатов для 50 лучших университетов мира; процент возврата достиг 67%. Квалификационные требования: баллы по национальному тестированию выше 140/150, знание английского языка (IELTS 7.0+), безусловное зачисление в университет. В период расширения

программы (2005-2014 гг.) в ней приняли участие 35 000 человек; число одобренных учебных заведений увеличилось до 630 университетов в 33 странах. Участники оставляли имущество в залог как гарантию возвращения, на сумму в среднем 45 000 долларов – уровень возврата вырос до 89%. На этапе реконсолидации (2015-2025 гг.) были ужесточены критерии: 68% ассигнований получили области НТИМ, уровень возврата достиг 94% благодаря предварительным договорам с государственными учреждениями о трудоустройстве.

Количественный анализ устойчивости.

Таблица 1. Индекс устойчивости программ (0-100)

Программа	2008	2014	2020	2024
FLEX	87	72	45	38
Фулбрайт	91	85	78	73
Болашак	95	92	88	90

Траектории устойчивости различаются по программам. FLEX продемонстрировал резкий спад: 56% (2008-2024). Фулбрайт сохранил умеренную стабильность благодаря диверсифицированным механизмам финансирования; снижение на 20% отражает управляемый адаптационный стресс. Минимальное сокращение Болашака на 5% было обусловлено защитой государственного бюджета – доходы от продажи нефти смягчают внешние потрясения.

Демографические преобразования.

Таблица 2. Социально-демографический профиль участников (%)

Параметр	1991-2000	2001-2010	2011-2020	2021-2025
Женщины	48	52	58	61
Регионы (не столичные)	35	42	51	47
Первое поколение	73	65	54	49
STEM	22	31	45	52

Гендерный состав изменился в сторону женского большинства; к 2025 году женщины составляли 61% участников. Региональное представительство достигло пика в 2011-2020 годах (51%), после чего произошло небольшое снижение. Число студентов первого поколения сократилось с 73 до 49% – концентрация

образовательного капитала увеличилась с течением времени. Участие в программе STEM увеличилось больше чем в два раза: с 22% до 52%.

Респонденты опроса объединились в четыре типологии. «Космополиты» (32%) стремились к культурному погружению; карьера после окончания программы охватывала международные организации (47%), транснациональные корпорации (31%), дипломатические службы (22%). «Прагматики» (28%) стремились к развитию конкретных компетенций – технических навыков, знания языка, методов исследования; 89% вернулись на родину в течение двух лет. «Эмигранты» (24%) использовали программы как пути миграции; 76% остались за границей, получая высшее образование/работу. «Патриоты» (16%) сформулировали мотивы государственного строительства; 94% заняли государственные/образовательные должности после возвращения.

Онлайн-программы появились в ответ на кризис. В рамках программы FLEX Virtual 3 000 участников прошли шестинедельные интенсивные модули; синхронные занятия (40 часов в неделю) поддерживали вовлеченность. Fulbright Hybrid объединил 40% онлайн-курсов с 60% очных компонентов – расходы на проезд сократились на 30% – это позволило увеличить количество слушателей на 25%. Дистанционная программа «Болашак» обеспечивала подготовительные курсы в цифровом формате (языковая подготовка, академическое письмо), сохраняя при этом физическое присутствие на программах получения степени.

Географическая кластеризация заменила двусторонние соглашения. Центральноазиатский образовательный хаб (Казахстан) принял 2 400 студентов из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана (2020-2024 гг.). Черноморский консорциум объединил турецкие и грузинские университеты – в совместных программах приняли участие 1 800 человек. Балтийская альтернатива возникла после 2022 года: Литва, Латвия, Эстония приняли 3 200 российских/белорусских студентов путем ускоренного перевода.

Выводы. Трансформации образовательных обменов происходят по нелинейным траекториям: циклы расширения-сокращения-адаптации сменяются предполагаемым поступательным ростом. Программы, демонстрирующие устойчивость, имеют многоуровневые структуры поддержки – финансовая автономия пересекается с сетями выпускников. Институциональная память, сохраняющаяся благодаря действующим соглашениям и архивным процедурам, позволяет быстро возобновить работу в посткризисный период (примером может служить шестимесячное восстановление FLEX в Молдове). Региональные альтернативы – Центральноазиатский хаб, Балтийский консорциум – возникают как децентрализованные ответы на двусторонние разрывы.

Набор инструментов для обеспечения устойчивости формируется на основе сравнительного анализа: диверсифицированное финансирование (минимум 70/30), гибридные механизмы доставки (максимум 40% виртуальных), сети микрогрантов для выпускников (диапазон \$500-2 000). Протоколы оценки рисков включают геополитические индикаторы – индексы двусторонней напряженности, смену визового режима, вероятность санкций. Разработчики программ

могут реализовать «готовность к спячке»: поддержание правовых рамок, сохранение институциональных знаний, поддержание минимальной сетевой деятельности во время приостановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Audretsch D.B. & Belitski M.** (2021). Three-ring entrepreneurial university: In search of a new business model. *Studies in Higher Education*. 46 (5). <https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1896804>.
2. **Császár Z. et al.** (2022). Changing geopolitics of higher education: Economic effects of inbound international student mobility to Hungary. *Journal of Geography in Higher Education*. 47 (2). <https://doi.org/10.1080/03098265.2022.2045572>.
3. **De Wit H. & Altbach P.G.** (2020). Internationalization in higher education: Global trends and recommendations for its future. *Policy Reviews in Higher Education*. 5 (1). <https://doi.org/10.1080/23322969.2020.1820898>.
4. **Ganguli I.** (2014). Scientific brain drain and human capital formation after the end of the Soviet Union. *International Migration*. 52. <https://doi.org/10.1111/imig.12165>.
5. **Hertz B., Clemson H.G., Hansen D.T., Laurillard D., Murray M., Fernandes L., Gilleran A., Ruiz D.R. & Rutkauskiene D.** (2022). A pedagogical model for effective online teacher professional development – Findings from the Teacher Academy initiative of the European Commission. *European Journal of Education*. 57. <https://doi.org/10.1111/ejed.12486>.
6. **Jonbekova D.** (2018). Educational research in Central Asia: Methodological and ethical dilemmas in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. *Compare: A Journal of Comparative and Inter.*
7. **Karakhanyan S.** (2018). Armenia: Transformational peculiarities of the Soviet and post-Soviet higher education system. In J. Huisman, A. Smolentseva, & I. Froumin (Eds.), *25 years of transformations of higher education systems in post-Soviet countries*. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_3.
8. **Lin L. & Wang S.** (2022). China's higher education policy change from 211 Project and 985 Project to the double-first-class plan: Applying Kingdon's multiple streams framework. *Higher Education Policy*. 35. <https://doi.org/10.1057/s41307-021-00234-0>.
9. **Malinovskiy S. & Chankseliani M.** (2024). International student recruitment in Russia: Heavy-handed approach and soft power comeback. In A.V. Oleksiyenko, Q. Zha, I. Chirikov, & J. Li (Eds.), *International status anxiety and higher education*. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53847-6_11.
10. **Mok K.H., Shen W. & Gu F.** (2024). The impact of geopolitics on international student mobility: The Chinese students' perspective. *Higher Education Quarterly*. 78, e12509. <https://doi.org/10.1111/hequ.12509>.
11. **Oleksiyenko A.V.** (2023). Geopolitical agendas and internationalization of post-soviet higher education: Discursive dilemmas in the prestige economy.

International Journal of Educational Development. 102, 102857. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2023.102857>.

12. Subbotin A. & Aref S. (2021). Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996-2020. *Scientometrics*. 126. <https://doi.org/10.1007/s11192-021-04091-x>.
13. Vega-Muñoz A., González-Gómez-del-Miño P. & Contreras-Barraza N. (2025). The determinants of brain drain and the role of citizenship in skilled migration. *Social Sciences*. 14 (3). <https://doi.org/10.3390/socsci14030132>.

P.D. ROGATOV

Master of the Department of World Politics,
School of Governance and Politics, MGIMO University,
Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL EDUCATIONAL EXCHANGE MECHANISMS IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TURBULENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FLEX, FULBRIGHT, AND BOLASHAK PROGRAMS IN THE POST-SOVIET SPACE (1991-2025)

Educational exchange programs are vital mechanisms for knowledge transfer and diplomatic interaction; their transformation in the context of geopolitical pressure allows us to identify adaptation strategies applicable to international education systems worldwide. This study examines the transformation of the FLEX, Fulbright, and Bolashak programs during a period of geopolitical turbulence (1991-2025), identifying sustainability factors and adaptation mechanisms. A sequential analysis of 450 archival documents, 102 annual reports, and a survey of 847 alumni (response rate 34%); a qualitative comparative analysis of program trajectories in fifteen post-Soviet states during five critical periods. FLEX participation declined by 56% (2008-2024), ceasing operations in Russia/Azerbaijan; Fulbright maintained 73% sustainability due to cost-share arrangements (70%→30% US funding); Bolashak expanded from 3,000 to 35,000 recipients before reconsolidating. Factor analysis identified four factors predicting sustainability: financial autonomy (34% of variance), diplomatic support (28%), alumni networks (19%), and brand sustainability (11%). Demographic shifts: female participation increased to 61%, STEM students reached 52%, first-generation students decreased from 73% to 49%. Virtual onboarding resulted in 67% retention; regional centers accommodated 7,400 displaced students. The sustainability of the program requires multi-component support structures – diversified funding sources, alumni engagement mechanisms (microgrants of \$500-2,000), hybrid learning formats (maximum 40% online), educational connectivity in the context of geopolitical fragmentation.

Key words: academic mobility, student migration, diplomatic relations, scholarship sustainability, crisis adaptation, alumni networks, regional cooperation.